

Бахтиёр Ирмухамедов

НЕТЛЕНКИ

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Бахтиёр Ирмухамедов

Нетленки. Книга одиннадцатая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624506
ISBN 9785449685551*

Аннотация

Эту книгу открывает стихотворение, посвященное памяти великого узбекского певца Батыра Закирова. Далее следует цикл произведений, посвященный первому Президенту независимого Узбекистана Исламу Каримову. Затем следуют пять стихотворений о славном сыне Дагестана, Герое России Магомед Нурбагандове, чьи два слова «Работайте, братья!» стали лозунгом на все времена. В книге также представлены стихи о Президенте России Владимире Путине, о погибшем в Турции после России А. Карлове, о докторе Лизе и др.

Содержание

ПАМЯТИ БАТЫРА ЗАКИРОВА	5
ПАМЯТИ	7
В ПАМЯТЬ ОБ ИСЛАМЕ КАРИМОВЕ	9
НЕДРУГАМ ИСЛАМА КАРИМОВА	11
НЕИЗБЕЖНОСТЬ	14
ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ, ЮРТБАШИ	17
ВДОВЕ И ПОТОМКАМ И.А.КАРИМОВА	20
ЛОЛЕ КАРИМОВОЙ	22
ПЕСНЯ К СОГРАЖДАНАМ	24
ВНЕЗАПНО РОЖДЕННОЕ РУБАИ	26
ТЫ – НЕ СИРОТА	27
ВЛАСТЯМ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК	29
ПАМЯТИ МАГОМЕДА НУРБАГАНДОВА	31
МАГОМЕДУ НУРБАГАНДОВУ	33
СЛАВНОМУ СЫНУ ДАГЕСТАНА	35
МАГОМЕД	37
КУМСИЯТ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Нетленки

Книга одиннадцатая

Бахтиёр Ирмухамедов

© Бахтиёр Ирмухамедов, 2019

ISBN 978-5-4496-8555-1 (т. 11)

ISBN 978-5-4496-7600-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМЯТИ БАТЫРА ЗАКИРОВА

Я помню времена романтики бескрайней
И помню голос Ваш, исполненный мечты.
Как жаль, что Вы ушли несправедливо рано...
Я испытал удар духовной пустоты.

Без Вас не полон мир, и свет луны печален,
И скорбь с течением лет все так же глубока.
Ведь даже соловьи завистливо молчали,
Услышав, как поет душой Батыр-ака.

Мне слышится порой, как мчитесь за Хабибой,
И конь покорен Вам – беглянка не уйдет...
Но не нашлось, увы, спасителя табиба —
Погоня без конца уже который год.

Цветет в краю чужом тропическое манго,
А родины плоды воистину вкусней.
Арабским было, но узбекским стало танго —
Зима всегда сдает позиции весне.

Вы пели для людей и были благородным,
Вы пролетели жизнь, как поднебесье – стриж.
Пусть кратким был полет – он был богоугодным:
Рукоплескал же Вам издавший все Париж.

Проходят времена, но с каждым годом больше
Осознаешь масштаб ушедшего Певца.
Я вспоминаю Вас – и слезы льются горше...
Спасибо Вам за то, что чистили сердца.

ПАМЯТИ ИСЛАМА АБДУГАНИЕВИЧА КАРИМОВА

Срок жизни нам определяет Бог,
А цель ее мы выбираем сами.
Мы входим в мир, где множество дорог,
Но лишь одна ведется небесами.
Найти свой путь и не сойти с него
Не каждому в соблазнах удастся,
Не каждый, отказавшись от всего,
Идет стезей сжигающего солнца.
Но Вы нашли, наш первый Президент,
Свой к звездам путь и нам его открыли,
И возвели свободе монумент,
И возрожденным даровали крылья.
Вы не боялись трудностей, и нас
Отечески всегда приободряли
И мудростью проникновенных фраз
Учили жить по правилам морали.
Признали все, лишь Вам благодаря,
Не зная войн, живут в Узбекистане;
И по утрам к нам ластится заря,
Нашедшая свой лик на Регистане.
Вы каждый день о родине пеклись,

Не уставая думать о грядущем:
Да, Вас манила розовая высь,
Но Вы не забывали о насущном.
Вы новый облик дали городам
И, магистрали новые построив,
Маршруты проложили поездам,
Возможности Отечества устроив.
Во все концы планеты без препон
Теперь узбекистанцы выезжают
И возвращаются в жаннат макон —
В свой райский дом, который обожают.
А спорт у нас достиг таких высот,
Каких история еще не знала! —
Любой его победный эпизод
Из Вашего исходит арсенала.
Мы шли за Вами все по большаку
И радовались жизни вместе с Вами,
Как вдруг... о нет! не впишется в строку
То, что никак не выразить словами...
Осиротели мы в жестокий час...
Народ в слезах... но все же понимает,
Господь призвал в свои чертоги Вас —
Ведь только Он срок жизни отмеряет.
Он Вам воздаст за добрые дела,
Простит ошибки – милостив Создатель.
А здесь, в стране душевного тепла
Вас нарекут: Великий Созидатель.

В ПАМЯТЬ ОБ ИСЛАМЕ КАРИМОВЕ

Нам все дано – и хлеб насущный,
И куст сирени у крыльца,
И неба синь, и сон воздушный, —
Но нет у нас теперь Отца.
Имеем выбор и свободу,
И покровительство Творца,
И заповедную природу,
Но нет у нас теперь Отца.
Мы возродили наших предков
От храбреца до мудреца,
Стрелой и словом бывших метко,
Но нет у нас теперь Отца.
К нам солнце просится в объятья
И звезды льются из ларца
Небес, мы всем народам братья,
Но нет у нас теперь Отца.
Как тяжело, имея волю
И благодарные сердца,
Осознавать с душевной болью,
Что нет у нас теперь Отца.
И потому в знак несмиренья
Летят в космический дворец
Сынов и дочерей моления:

Вернись, пожалуйста, Отец!

НЕДРУГАМ ИСЛАМА КАРИМОВА

Мы смертны все и все в грехах
Больших и малых утопаем.
Но будь хоть нищим или баем,
Тебя помилует Аллах.
Он призывает всех унять
Свои словесные набег
И прекратить о человеке
Усопшем память осквернять.

Нет безошибочных людей,
Но надо взвешивать по чести
Без злопыхательства и лести
Все воплощения идей.
И потому, как беса рать,
Вонзая антикомплименты,
О нашем первом Президенте
Не смейте память осквернять!

Он сделал многое для нас,
Пускай и был порой жестоким.
Но разве не были пророки
Жесточе для народных масс?
Без твердой воли благодать

Не достигается вовеки.
Об этом сильном человеке
Не смейте память осквернять!

Из многих зол он выбирал
То, что содержит меньше порчи.
Устроен мир так, между прочим —
Сначала штиль, затем аврал.
По падежам легко склонять,
Но не поддержат вас узбеки.
Об этом мудром человеке
Не смейте память осквернять!

Не нужен нам ни халифат,
Ни тот безумный образ жизни,
Которым западные слизни
Пропагандируют разврат.
Кто не согласен с нами, кладь
Свою несите срочно к трапу
И никогда о нашем Папе
Не смейте память осквернять!

«Американская мечта»
Дурманит пусть американцев,
А мы в своем закружим танце,
В котором свет и чистота.
Беречь мы будем тишь да гладь
И в виляях, и в Ташкенте,
Но вы о нашем Президенте

Не смейте память осквернять!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПРЕДНАЧЕРТАННОГО

Пришел внезапно Азраил,
Когда его не ждал владыка;
Ни стона не было, ни крика,
А лишь паденье на настил.
Пришел внезапно Азраил.

Была в растерянности челядь
И перепугана всерьез;
Тянула с трауром вопрос,
Не понимая, что ей делать, —
Была в растерянности челядь.

Ужасно всем не повезло —
Великий праздник приближался.
Никто вначале не решался
Признать случившееся зло.
Ужасно всем не повезло!

«Народ нельзя держать в обмане», —
Усопший подданных учил.
И те сказали: «Азраил,
Возможно, прячется в тумане».
Народ нельзя держать в обмане.

Кто был умен, тот понял вмиг,
Что срок властителя окончен
И что преемник правомочен
Себя избавить от вериг.
Кто был умен, тот понял вмиг.

Прошел кастрированный праздник,
И утром диктор сообщил,
Мол, ждет архангел Азраил,
Чтобы в сердцах благообразных
Прошел кастрированный праздник.

Крест предводителя тяжел.
В конце концов, признались власти,
Что перепутались все масти —
И наш владыка отошел.
Крест предводителя тяжел.

Смерть не всегда рождает горе:
Бывает, чей-либо исход
Кому-то выгоду несет
Быть у Всевышнего в фаворе.
Смерть не всегда рождает горе.

Пришел внезапно Азраил —
Теперь владыка вечный пленник.
Но должен помнить и преемник,
Что и к нему в расцвете сил

Придет внезапно Азраил.

ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ, ЮРТБАШИ

Никто не знает час кончины.
И Вы ее не ждали в ночь,
Когда без видимой причины
Она явилась к Вам, как дочь.
Вы неожиданно упали
И отошли в глухой тиши...
Узбекистан теперь в печали:
Покойтесь с миром, Юртбаши.

Не только слезы захлестнули
Опустошенные сердца,
Но и боязнь, что вскоре пули
Начнут свистеть в захват Дворца.
Но обошлось без бойни: Ваши
Питомцы были хороши
И не устроили демаршей.
Покойтесь с миром, Юртбаши.

Как удивился мир враждебный
Обилью высыпанных роз! —
Вас провожая, город хлебный
Не мог сдержать горючих слез.
Вы были истинно народным,

А не подобием паши,
И в этом чине благородном
Покойтесь с миром, Юртбаши.

Клянемся родиной и кровью,
Проливой на весенний снег,
Что не дадим средневековую
Здесь мракобеситься вовек.
Лишь песни светлые о счастье
И о любви поют бахши.
Нам не страшны судьбы ненастья.
Покойтесь с миром, Юртбаши.

Ваш образ будет вечно с нами:
Стереть его не сможет рок
Ни суховейными ветрами,
Ни вражьей поступью сапог.
Вас будут помнить олеандры
И на озерах камыши,
Шепча магическую мантру:
Покойтесь с миром, Юртбаши.

Вы наставляли поэтапно
Решать задачи новых лет,
Но нас покинули внезапно...
И пусть физически Вас нет,
Все ж расцветет в горах лаванда
Как знак бессмертия души.
В земле священной Самарканда

Покойтесь с миром, Юртбаши.

ВДОВЕ И ПОТОМКАМ

И.А.КАРИМОВА

Никак не выразить словами
Ни вашу скорбь, ни скорбь народа,
Как не скрепить тугими швами
Плакучий сумрак небосвода.
Даются нам приобретения,
За ними следуют утраты.
Не избегаются смятенья,
Когда приходит час расплаты.
Устроен мир так равновесно:
Оазис там, а здесь пустыня.
Душа как будто бестелесна,
Но драгоценна, как святыня.
Со всеми казусами мира
Нам остается лишь смириться
И наблюдать в сетях эфира,
Как в них парит святая птица.
Покой прописан властелину,
И по нему уместна тризна.
**НЕ ПОГАСИЛ БЫ ОН ДОЛИНУ,
ЗАПОЛЫХАЛА Б ВСЯ ОТЧИЗНА.**
Столь велики его заслуги
И столь судьба его примерна,
Что даже недруги, как друзья,

Поймут, свой век он прожил верно.
Людские помыслы инертны
И не желают соглашаться,
Что все мы временны и смертны,
И нам приходится лишаться
Поочередно наших близких
И сиротеть, пока и сами
Не отражаемся вдруг в списках
Переселенных небесами.
И вы, бродя в печали комнат,
Подобно истину обретшим,
Утешьтесь фразой: если помнят,
То нет забвения ушедшим.

ЛОЛЕ КАРИМОВОЙ

Изменят мир не ураганы
И не стихии вообще,
А романтические туманы
И зори вешние в душе.
Покуда быются океаны
О берега различных суш,
Не прекратят плодить романы
Соединенья близких душ.
Преодолев судьбы барханы
И не предавши никого,
Залечишь скоро сердца раны
И боль народа своего.
Подарят кедры и платаны
Прохладу в зной любого дня.
И пусть горят в костре каштаны —
Ты не тащи их из огня.
С умом составленные планы
Помогут сбившимся с пути.
Когда за власть дерутся кланы,
В сторонку лучше отойти.
Гремят воинственно тимпаны
В такие страшные часы,
Но если есть в саду тюльпаны
И блески утренней росы,

Не отрекайся от осанны
И посвяти себя любви,
И обезумевшие саны
На мирный лад благослови.

ПЕСНЯ К СОГРАЖДАНАМ

Солнце восходит с востока —
Помните это, узбеки,
Как и о том, что к истокам
Не возвращаются реки.
Запад не нравится солнцу —
Там оно меркнет невольно.
Всякому англосаксонцу
Это всего лишь прикольно.
Жаль существующих в рабстве
Мелкой животной потребности
И обративших в похабство
Свет, исчезающий в небе.
В дебрях пустого гламура
Не понимают уроды:
Если погибнет культура,
В тлен превратятся народы.
Вот почему, дорогие
Жители Узбекистана,
Строки пишу вам благие
И отгоняю шайтана.
Нам сатанинские бредни
Пасынков жалких чужбины
Век не испортят обедни
И не согнут наши спины.

Кормчего мы потеряли,
Но независимость с нами,
Как и основы морали,
Спущенные небесами.
Путь наш довольно тернистым
Был и таким остается.
Мы призываем в хронисты
Зори восточного солнца.
Будем поддерживать страстно,
Если решит Мирзияев
В храм государственной власти
Не пропускать негодяев.
Пусть романтичны закаты,
Но жизнетворны рассветы.
Недруги вечно трекляты
И нарушают обеты.
Чуждые ценности янков
Только ведут к разрушенью,
Что не находят останков
Впавшие в их искушенье.
Глупо обманутым трижды
Верить властителям мрака;
Лучше столетие выждать,
Чем открываться, однако.
Правильны наши стандарты.
Нет у духовности стока.
Помните, милые сарты,
Солнце приходит с востока.

ВНЕЗАПНО РОЖДЕННОЕ РУБАИ

Я напротив себя никогда не сидел
И скорблю, что такой мне прописан удел.
Мудрецы только те, кто, познав свою душу,
Постигают иной, надвселенный предел.

ТЫ – НЕ СИРОТА

Нет матери, отца, сестер и братьев,
И на душе сквозная пустота,
Но не спеши топить судьбу в проклятиях:
В Узбекистане ты – не сирота.
Была война, и вражеские пули
Сразили всех, кто был тебе родней,
Но здесь тебя согрели и обули,
Прикрыв своей заботливой броней.
Тебя поили, досыта кормили,
Хотя вокруг царила нищета,
Чтоб не сгорел ты в бедствия горниле
И осознал, что ты – не сирота.
Ты был одним из многих сотен тысяч,
Кого народ узбекский приютил,
Когда фашисты собирались выжечь
Не только землю, но и тех, кто жил.
Здесь украинцы, русские, эстонцы
Познали край, где правит щедрота
И жителей, и климата, и солнца,
Произносящих: ты – не сирота.
Узбекистан – не место для мытарства
И никого не гонит от ворот,
Являясь уникальным государством,
Где не бывает брошенных сирот.

Ты в этом убеждаешься вседневно
И слышишь, как осока у моста
Кому-то шепчет нежно и напевно:
Не сокрушайся, ты – не сирота.

ВЛАСТЯМ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Не соблазняйте на подачки
Американских сволочей:
У нас достаточно заначки,
Убереженной от рвачей.
И пусть британская корона
Не затмевает вам глаза:
Она – и черная ворона,
И ядовитая гюрза.
А псевдоценности Европы
Уже настоль извращены,
Что верят в них лишь остолопы
Да порожденья сатаны.
Для них мы – глупые игрушки
В антироссийской кутерьме.
А нам родней намного Пушкин,
Чем дядя Сэм в своем дерьме.
Но всех страшней угроза с юга,
Где орды варваров кишат:
Взрывая в дикости друг друга,
Они и к нам уже спешат.
Имеем выучку и силу,
Но все ж не стоит забывать,
Что только братская Россия

За нас готова воевать.
Другие страны лишь словами
Окажут помощь: мол, друзья,
Держитесь, мысленно мы с вами,
Громите полчища зверья.
Пора уже забыть обиды
Из прошлой жизни и обречь
Иные, дружеские виды
На Русь, у коей совесть есть.

ПАМЯТИ МАГОМЕДА НУРБАГАНДОВА

В селе дагестанском родился мальчишка,
В семье, где царит атмосфера тепла,
Где детям читают хорошие книжки, —
Село называется Сергокала.

Младенца пророческим именем деда,
Чтоб вырос джигитом лихим, нарекли.
И годы прошли, и слова Магомеда
В Героя России его возвели.

Всего лишь два слова – и смерти в объятья;
Всего лишь два слова судьбе в унисон;
Всего-то два слова: «Работайте, братья», —
Но мужеством парня и Бог потрясен.

Он был на колени насильно поставлен,
И связаны руки за спину в кольцо,
И был автомат террориста направлен
Не в сердце, не в горло, а прямо в лицо.

И было понятно явление краха —
Ни небо, ни люди уже не спасут, —
Но враг не увидел ни толики страха

В бойце, над которым чинил самосуд.

Потребовал враг, будто жаждал заклатья:

«Скажи, что работа в погонах – порок».

В ответ прозвучало: «Работайте, братья», —

И кат разъяренный нажал на курок.

Погиб Магомед, но вы вправе гордиться,

И мать Кумсият, и отец Нурбаганд:

Ваш сын ни на йоту не дал усомниться,

Что он настоящий и духом гигант.

Убийцу уже покарали проклятья:

Ему воздаст, как положено, ад.

На клич Магомеда: «Работайте, братья!», —

Ответили братья: «Работаем, брат!».

И будут работать и бить супостата,

Чтоб солнце светило и пела страна,

И чтобы никто не забыл о солдате,

Сказавшем два слова на все времена.

МАГОМЕДУ НУРБАГАНДОВУ

Что снилось тебе в ту последнюю ночь,
Когда тебя сонного взяли в полон?
Наверно, ты видел и сына, и дочь,
И мать их, в которую с детства влюблен.

А может, во сне ты играл с детворой
На поле с клубящейся пылью в футбол,
И в шутку тебя называли: «герой»,
Когда забивал ты соперникам гол.

А может быть, сон был наполнен дождем
И теплым весенним дыханием гор,
И шли вы с невестой по лесу вдвоем,
И был у нее ослепительным взор.

Возможно, приснилось, как Абдурашид,
Твой брат, посвящал тебя в тайны борьбы,
И как ты потом защищал от обид,
Кто был обессилен по воле судьбы.

Присниться могло и вручение погон,
И как был доволен отец Нурбаганд,
Сказавший с улыбкой: «Ты начал разгон:
Пусть младший пока, но уже лейтенант!».

Но знаю, не снился тебе твой палач,
Сведенный с ума прародителем тьмы...
На сердце у мамы пожизненный плач,
У папы в душе бесконечность зимы.

И каждую ночь в их мучительных снах
Являешься ты во плоти и живым;
Приходится им просыпаться впотьмах
И вновь разговаривать с горем своим.

Одно утешение – не посрамил
Ты имя своё и родную страну,
Оставив для братьев источником сил
Два слова, поднявших тебя в вышину.

Ты рано ушел... и погиб не во лжи —
На это не каждый посмел бы посметь.
И поняли все, что достойную жизнь
Должна подытожить достойная смерть.

СЛАВНОМУ СЫНУ ДАГЕСТАНА МАГОМЕДУ НУРБАГАНДОВУ

Палач твой ошибся, решив, что убил
Тебя безоружного выстрелом подлым;
На самом же деле тропой Фермопил
Вошел ты в бессмертие храбрым и гордым.

Слова твои стали девизом для всех,
Тебе поклоняются вечность и люди.
И сколько бы ни было пройдено вех,
Тебя никогда на Земле не забудут.

Твой век был коротким – за тридцать едва,
Ты жил незаметно, но умер героем.
«Работайте, братья!» – стальные слова,
Наполнены силой и твердым настроем.

Коллеги твои за работу взялись,
С утроенным рвением бросились в битву —
Бандиты уже превращаются в слизь,
Поняв, что никто не ослабит ловитву.

Тобой вдохновившись, хотят пацаны
Работать на страже закона и мира
Во имя расцвета любимой страны

И не подвести дагестанца-кумира.

Как много вложил ты в слова на заре —
Величие духа и веру в победу!
Погиб ты в июле, воскрес в сентябре —
И аве отныне поют Магомеду.

Ты жив в миллионах российских сердец,
Твой образ повсюду вселяет надежду,
Что злу и убийствам настанет конец
И что у заблудших откроются вежды.

Над нашей планетой рассеется мгла,
И в мире признают, превыше всех грандов
Рожденный в селении Сергокала
Несломленный брат Магомед Нурбагандов.

МАГОМЕД

Чей-то призрак стоит на высокой скале,
Провожая закат и встречая рассвет.
Не узнали б его даже в Сергокале
Те, кто плачут в ночи: Магомед, Магомед.

Он и сам, будь он жив, не узнал бы себя:
Был обычным, а тут вдруг для всех меламед;
В неизвестности жил, никого не слепя,
А теперь на устах: Магомед, Магомед.

Он стоит на скале и не может понять,
Что изрек на века житнетворный завет,
И за это ему все поют исполать,
Восхищенно твердя: Магомед, Магомед!

И стоит он, открыт всем возможным ветрам,
И прозрачен его молодой силуэт,
И летает душа по полям и горам,
Где, как эхо, звучит: Магомед, Магомед.

Несгибаем и тверд, как в то утро в лесу,
И бессмертен, как дух справедливых побед,
Он не может забыть, как упал на росу,
Как стенала она: Магомед, Магомед.

Кровь текла на траву, и не слышался гул,
Что был соткан из птиц и листвы, и комет,
Но мерещился дед, как певучий Расул,
Подзывавший к себе: Магомед, Магомед.

Смерть сжимала его, созерцавшая, как
Сюрреальная явь всё сходила на нет
И как был обречен на подобное враг,
И как сверху сошло: Магомед, Магомед.

Словно карма небес и планида земли
Наблюдали за тем, как пророчеству вслед
Заостренной скобой вознеслись журавли
И курлыкали в стон: Магомед, Магомед.

Он стоит на скале, охраняя свой край,
И так будет стоять еще тысячи лет,
И все тысячи лет, не смолкая и в грай,
Будет родина петь: Магомед, Магомед.

КУМСИЯТ

Ныне каждый в стране знает Сергокалу,
Где родился герой в предначертанный день,
Чтобы множить добро и противиться злу;
Внешне был он, как все, но вот духом – кремень.

Хладнокровно смотрел своей смерти в лицо,
Не позволив подмять офицерскую честь.
Возгордился народ земляком-храбрецом,
Но поникшую мать обожгла эта весть.

Не до гордости ей, если сын убиен:
Сердце рвется в груди, и стенает душа,
И питается плач скорбным сумраком стен,
Словно воздух поит без конца черемша.

Причитает она, безутешная мать,
Как убийца посмел ее сына казнить —
Не волчица ж его родила убивать,
Он же пил молоко из груди, а не сыть.

«Отчего он таким кровожадным вдруг стал?
Если корни одни, если вера одна,
Почему же он так зверски в брата стрелял?», —
Вопрошает в слезах Всеблагого она.

Ей не радостны дни, да и ночи – не вред,
Словно в трансе живет от зари до зари,
Оживляясь на скрип: «Это ты, Магомед?», —
Но в ответ за окном промолчат купыри.

Поседевшая прядь и безжизненный взгляд,
Пустота все плотней наполняет судьбу...
Но ей внуки собой говорят: «Кумсият,
Отмени, отмени на улыбки табу.

Перестань горевать, улыбнись, хала неш,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.